

Michěk, Josef

Тенденции в послевоенном развитии сельского хозяйства в развитых капиталистических странах

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. G, Řada sociálněvědná. 1968, vol. 17, iss. G12, pp. [79]-93

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/111506>

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ИОСЕФ МИХЕК

ТЕНДЕНЦИЙ В ПОСЛЕВОЕННОМ РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

После Второй мировой войны отношение к значению сельского хозяйства как важного фактора развития народного хозяйства резко изменилось. Действие многочисленных экономических рычагов, предназначенных для перекачки финансовых ресурсов из сельского хозяйства в другие отрасли народного хозяйства, в частности, в промышленность, было ослаблено или вообще устранено или эти рычаги начали действовать в обратном направлении. Правящие круги развитых капиталистических стран отдают себе отчет в том, что процесс расширенного воспроизводства народного хозяйства нельзя впредь осуществлять за счет сельского хозяйства, а только на основе взаимной координации роста всех важнейших производственных и непроизводственных отраслей. Следовательно, по существу можно было сделать вывод, что сельское хозяйство может активно способствовать созданию внутренних условий для аккумуляции не своей отсталостью, а своим развитием. Речь идет, конечно, не только о положительном действии государственных вмешательств в сельское хозяйство в виде субсидий и дотаций. Одним из важных импульсов для капиталовложений в сельское хозяйство в послевоенные годы стала кооперация в области производства и капиталовложений между сельским хозяйством и промышленностью или торговлей путем вертикальной концентрации (интеграции), вызывающей непосредственный интерес промышленности, торговли и коммунальных услуг к развитию сельского хозяйства. Тем самым происходит углубление взаимной связанности и зависимости в процессе воспроизводства, а также ослабление финансовой обособленности сельского хозяйства от других отраслей народного хозяйства.

В первую очередь, однако, важно то, что капиталовложениями занимается сам сельскохозяйственный предприниматель (фермер), точнее говоря — он вынужден сам этим заниматься. Он перестает снабжать сельскохозяйственной продукцией только самого себя и становится в первую очередь поставщиком сельскохозяйственного рынка, который расширяется вследствие увеличения несельскохозяйственного населения и сокращения числа сельскохозяйственных предпринимателей. Он втягивается в механизм рынка, а, следовательно, также и в действие закона стоимости. Современный капитализм создает собственные критерии рентабельности сельскохозяйственного предпринимательства: эти критерии возрастают одновременно с повышением экономического уровня, с практическим применением технической, научной и организационной основы всякого экономического образования.

В годы непосредственно после войны западноевропейское сельское хозяй-

ство — подобно тому как и все народное хозяйство — проходит этап восстановления разрушенных войной производственных объектов, который завершается в начале пятидесятих годов. В это время сельскохозяйственная продукция по существу достигает довоенного уровня. Однако пятидесятые годы ознаменованы началом восстановления и мощного подъема капиталовложений. По сравнению с 1950—1952 гг. общие капиталовложения за 1956—1958 гг. повысились в ФРГ на 65 %, в Голландии — на 51 %, во Франции — даже на 116 %.¹ В 1960—1962 гг. общие капиталовложения в ФРГ достигли почти одной четверти валовой сельскохозяйственной продукции. В Бельгии в 1950 г. общие капиталовложения в сельское хозяйство повысились с 2194 миллионов до 4850 миллионов бельгийских франков, т. е. больше, чем вдвое. Капиталовложения на одного работника сельского хозяйства здесь с 1950 г. по 1962 г. повысились с 3560 до 17600 бельгийских франков, т. е. в пять раз, причем частные капиталовложения составили свыше 95 % общих годовых капиталовложений.²

Для упомянутого периода характерен тот факт, что именно сельское хозяйство является в отношении капиталовложений наиболее форсированной отраслью в экономически развитых странах.

Еще в 1950 г. удельный вес общих капиталовложений в валовом национальном продукте в сельском хозяйстве выше, чем в обрабатывающей промышленности, однако различие в большинстве упомянутых стран не так выразительно, как в 1961 г., когда оно — например в Канаде и в Австрии — составило почти вдвое больше. Существенно различен приведенный удельный вес в пользу сельского хозяйства также и в ФРГ, Норвегии, Великобритании, Голландии и Дании. Исключение составляют Италия и Франция, где этот удельный вес более или менее уравновешен. Тенденция к снижению капиталовложений проявляется лишь в США, где, начиная приблизительно со второй половины пятидесятих годов, на первый план выдвигается не вопрос о новых капиталовложениях, а скорее замена более старых машин и механизмов новыми, более действенными, что требует относительно меньше финансовых средств.³

Чрезвычайно интенсивная деятельность в связи с капиталовложениями в сельское хозяйство развитых капиталистических стран создает прочные материальные предпосылки для преодоления различий в уровне производительных сил между сельским хозяйством и промышленностью. Общие капитальные вложения на одного работника в большинстве случаев все еще выше в промышленности, чем в сельском хозяйстве, однако благодаря более высоким темпам роста этих капитальных вложений в области сельского хозяйства различие все уменьшается. Так, например, приведенное различие в ФРГ понизилось с 1 : 4,5 в 1950 г. до 1 : 1,8 в 1962 г.; во Франции капитальные вложения на одного работника сельского хозяйства достигают 85 % уровня промышленности, а в США они превосходят уровень промышленности.⁴ Вложенный капитал в США с 1939 г. по 1960 г. развивался следующим образом (в долларах): таб. 1.

Если в 1939 г. капитальные вложения на 1 работника промышленности превосходили капитальные вложения на 1 работника сельского хозяйства на 1900 долларов, то в 1960 г. отношение было уже обратное; для использования работника сельского хозяйства надо было затратить на 2000 долларов выше, чем в промышленности. Это, конечно, сказалось и на различной

Таблица 1

	1939	1960	изменение в %
на 1 сельскохозяйственный завод	6 008	39 400	566
на 1 работника сельского хозяйства	3 400	22 100	550
на 1 работника промышленности	5 300	19 900	257

роли капитала и труда в сельскохозяйственном производстве США. Капитал и труд в США развивались следующим образом:

Таблица 2

Год	Труд	Земля	Капитал	Всего
1940	58,6	9,1	32,2	100
1950	41,8	8,9	49,3	100
1960	30,1	8,5	61,4	100

Следовательно, мы опять видим аналогичный процесс роста роли капитала (овеществленного труда) за упомянутое двадцатилетие почти вдвое и соответствующее снижение удельного веса живого труда до половины; роль земли остается более или менее неизменной.

Здесь, однако, следует подчеркнуть, что наиболее значительно возросла самая активная часть постоянного капитала, машин и оборудования. Если общая сумма стоимости сельскохозяйственных построек, машин и оборудования (в постоянных ценах) с 1940 г. по 1961 г. возросла с 12,6 миллиардов долларов до 20,5 миллиардов долларов, то стоимость машин и оборудования возросла с 4,1 до 9,9 миллиардов долларов, т. е. на 140 %, тогда как стоимость сельскохозяйственных построек — лишь на 24 %.⁷ Поскольку расширение постоянного капитала сопровождалось резким падением числа работников сельского хозяйства (на 40 %), рост снабжения труда капиталом еще выше, так как за один и тот же период стоимость машин и оборудования в расчете на одного работника повысилась с 368 до 1391 доллара, т. е. в 3,8 раза.⁸

Следовательно, бурный процесс механизации сельского хозяйства во всех развитых капиталистических странах был результатом и неотъемлемой составной частью интенсивных капиталовложений после войны. Согласно взглядам некоторых западногерманских экономистов уровень снабженности капиталом работников сельского хозяйства приближается к уровню, достигнутому в остальных хозяйственных отраслях. Различие в органическом составе капитала между промышленностью и сельским хозяйством резко уменьшается. Удельный вес переменного капитала в издержках производства сокращается до минимума: он обусловлен только крайней необходимостью пользования наемным трудом. Если учесть примеры из ФРГ, то видно, что здесь удельный вес расходов на сельскохозяйственные постройки

и машины в общей сумме издержек повысился с 11 % в 1935—1938 гг. до 20 % в 1963 г.; за один и тот же период удельный вес расходов по заработной плате в общей сумме издержек понизился с 18,2 % до 9,3 %.

Решающим критерием капитальных вложений является тот факт, что, если капиталовложения уже затрачены, расходы при одинаковых условиях больше не повышаются, тогда как расходы по зарплате — в результате всеобщей нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве — почти ежегодно возрастают. Человеческий труд в последнее время относится к наиболее дорогим производственным статьям. Если, например, в ФРГ один трудодень оплачивался 2,5 кг зерна, то в 1963 г. меновая стоимость часового труда повысилась до 7 кг зерна,¹⁰ причем уровень зарплат в сельском хозяйстве ФРГ ниже, чем, например, в Великобритании или Швеции; здесь приходилось 8 кг пшеницы (а в США 16 кг пшеницы) на один час наемного труда. За последние десять лет зарплата возросла несравненно быстрее, чем цены сельскохозяйственных машин. В Голландии, например, цены сельскохозяйственных машин повысились на 19 %, а зарплата работников сельского хозяйства — на 90 %. В ФРГ цена трактора (выраженная в количестве часов наемного труда) мощностью в 25—300 л. с. снизилась с 10 405 до 6715 часов наемного труда, цена электромотора мощностью в 5 л. с. снизилась с 415 до 288 часов наемного труда.¹¹

В Австрии цены сельскохозяйственных машин за 1958—1964 гг. повысились на 24 %, а расходы по заработной плате — на 73 %.¹²

Уже сами эти отношения цен (помимо многих других факторов) подсказывают, что всесторонняя механизация становится даже в сельском хозяйстве основной экономической логикой и что она — впервые в истории народного хозяйства — имеет все предпосылки для настоящего массового применения. Существенную роль здесь, разумеется, играет предварительная подготовленность, а именно как индустриальная, так и общетехническая, психологическая и экономическая. Нельзя упускать из виду и создание такого конъюнктурального положения, когда производственный несельскохозяйственный или терциальный сектор способен абсорбировать освобожденную из сельского хозяйства силу.

Наиболее характерным признаком технической революции в сельском хозяйстве является переворот в энергетике, резкий переход от живой тяговой силы к механической силе. Здесь мы имеем в виду не только движимые средства производства, у которых можно отметить мощный подъем тракторизации (включая самоходные комбайны и плуги), но и стационарные производственные приемы, при которых наиболее трудоемкие и энергетически сложные работы выполняются электричеством.

Решающей силой технической революции в сельском хозяйстве является, как уже отмечено, совершенно небывалый подъем тракторизации всех участков полевых работ, включая садоводство и огородничество; тракторизация вытесняет весьма быстро тяговое усилие животных, освобождает значительное число рабочей силы и позволяет более быструю и совершенную обработку земли,¹³ вызывая настоящий переворот в росте производительности труда.

Известной вехой или также отправным пунктом развития трактора, этой наиболее универсальной, используемой в сельском хозяйстве машины, были несомненно пятидесятые годы. В большинстве капиталистических го-

сударств Европы число тракторов уже в 1954 г. повысилось по сравнению с довоенным уровнем в 4—6 раз, в Дании — в 12 раз, а в Австрии — даже почти в 17 раз. В сельском хозяйстве США число тракторов за тот же период повысилось в 3 раза; с тех пор можно наблюдать относительный застой по соображениям, которые были отмечены выше. Аналогичное развитие наблюдается (с меньшими или большими колебаниями) также и в Канаде, Англии и Австралии. Но зато в остальных развитых капиталистических государствах десятилетие с 1954 г. по 1964 г. характеризуется наибольшими в количественном отношении приростами тракторов за всю историю капитализма. Наибольшего числа тракторов, а также относительного насыщения уже в 1964 г. достигли в ФРГ (1050 тысяч); во Франции (900 тысяч), в Голландии (104 тысячи), в Дании (146 тысяч) и в Швеции (180 тысяч).

Если рассмотреть степень тракторизации в целом, то наиболее замечательных результатов и наиболее высоких темпов прироста, наряду с ФРГ добилась Япония, где число тракторов (не включая садоводческих) с 1954 г. по 1963 г. повысилось в 35 раз и достигло 1,2 миллиона штук, так что на каждый четвертый завод приходился 1 трактор, а у заводов величиной в 1—2 га один трактор приходился на 2,4 завода. Если причислить почти 1,5 миллиона садоводческих и огороднических тракторов, то можно говорить о специфической „миниатюрной“ механизации, которая, однако, — если учесть более или менее „садоводческий и огороднический“ тип японского сельского хозяйства — весьма действенна, в частности, в связи с применением соответствующих прицепов. Эта „миниатюрная“ механизация и вызвала, например в технологии выращивания риса, настоящий революционный переворот.

Подобного рода раздробленность средств производства нельзя, конечно, идеализировать, так как речь идет об определенной специфике в условиях японского сельского хозяйства; общая тенденция в остальном мире направлена наоборот на качественные изменения в смысле все более мощных и универсальных машин, в особенности там, где число тракторов в количественном отношении приближается к пункту насыщения. В Канаде, например, сбыт сельскохозяйственных машин в 1964 г. повысился на 8,6 % по сравнению с 1963 г., а тракторов было продано лишь на 1092 больше; продажа комбайнов даже снизилась с 7470 в 1963 г. до 6718 в 1964 г. Наиболее ярко этот процесс проявляется в США, располагающих 40 % мирового машинно-тракторного парка; средняя мощность трактора в США повысилась с 26 л. с. в 1940 г. до 51 л. с. в 1963 г., т. е. вдвое.¹⁴ В последнем упомянутом году в США из всех колесных тракторов больше 80 % превышало мощность 35 л. с., в Великобритании — 70 %, в ФРГ — лишь 20 %. Этот факт следует учитывать при рассмотрении статистических данных, согласно которым в ФРГ приходилось в 1963 г. на 1 физический трактор 14 га сельскохозяйственной земли (во Франции — 39, в Бельгии — 29, в Голландии — 22, в Италии — 59).¹⁵ Следующая таблица характеризует плотность тракторов относительно количества гектаров пахотной земли.

Из этой таблицы следует, что ФРГ в числе тракторов, принадлежащих на 1000 га пахотной земли, занимает первое место в мире. Однако это не значит, что сельское хозяйство ФРГ наиболее механизировано. Дело в том, что важной точкой зрения уровня тракторизации является также и взаимо-

Число тракторов на 1000 га пахотной земли в данных государствах (1963 г.)¹⁶

ФРГ	Швеция	Франция	Голландия	Италия	Дания	Бельгия	Великобритания
121	51	49	109	28	49	64	65

Австралия	Канада	США
8,7	13	25

отношение количества тракторов к числу работников сельского хозяйства, а в этом отношении ФРГ значительно отстает от США и Канады, где не 1 трактор приходилось 1,1 работника, тогда как в ФРГ — 3,5 работника; в Бельгии, Франции и Голландии — приблизительно 5, а в Италии — 18 работников.¹⁷

Если принять в соображение значительную раздробленность западно-европейского сельского хозяйства,¹⁸ то можно сомневаться в рациональном использовании такого большого числа тракторов.

Однако с другой стороны нельзя забывать, что только тракторы меньшей мощности посильны и удобны в финансовом отношении для малых и средних сельскохозяйственных заводов и что — если учесть интенсивность ведения хозяйства на этих заводах — интенсивность использования упомянутых тракторов может оказаться весьма высокой. В крайнем случае здесь может сыграть свою роль и общественный престиж. Этот момент метко выразил Г. Блоссер: „Статистика может легко привести к недоразумению. Если согласно последним достижимым и сопоставимым статистикам число тракторов, приходящихся на 100 га, составляет во Франции 26, а в ФРГ — 70,¹⁹ то это нельзя считать доказательством об отсталости французского хозяйства. Надо отдать себе отчет в том, что на основе различий в величине заводов использование машин во Франции существенно лучше, чем в ФРГ. Лицу, путешествующему по Франции, не следовало бы также надменно смеяться, если оно в интенсивных областях увидит в поле лошадей. Вопрос престижа при покупке машин играет во Франции гораздо меньшую роль, чем в ФРГ. При этом необходимо учесть также тот факт, что в интенсивных областях Франции, подобно тому как и в Дании, в первую очередь упрощают организацию завода, а только затем начинают механизацию. Таким образом можно предотвратить многие ошибочные и излишние капиталовложения.“²⁰

Вопрос об использовании машинно-тракторного парка в настоящее время во многих упомянутых странах весьма актуален. Однако с точки зрения надрывления наших исследований можно отметить прямо революционное вторжение тракторизации во всю область сельскохозяйственного производства, в частности, растениеводства (или точнее полевого хозяйства). Однако подобно тому как паровая машина сама по себе не представляла собою суть первой промышленной революции, а только ее главную движущую силу

(энергетическую основу), так и трактор в начале научно-технической революции является ее движущей силой, основой, на которой строится вся система комплексной механизации, начиная от простых прицепов и кончая сложными комбинированными машинами. Прямо пропорционален росту числа тракторов был, например, рост зерновых комбайнов, которые практически смогли решить проблему времени пик при уборке урожая без всякого чрезмерного напряжения рабочей силы.

Таблица 3

Число зерновых комбайнов в данных государствах за 1949—1963 гг. (в тыс.)²¹

	1949 г.	1957 г.	1960 г.	1963 г.
Австралия	58,5	61,1	63,2	65,6 ¹
Великобритания	10,5	35,5 ²	52,0 ³	56,0
Бельгия	0,6	1,6	2,8	4,4
Дания	0,3	3,4	8,9	20,1
Италия	—	1,8	4,4	9,4
США	714,0	1 030,0	1 035,0	1 010,0
Франция	5,0	30,2	56,1	85,0
ФРГ	0,1	21,0	58,0	95,0
Швеция	—	19,7	25,1	31,7

¹ 1962 г.

² без Шотландии

³ без Северной Ирландии

Из приведенной таблицы следует, что приобретение зерновых комбайнов, начиная с пятидесятых годов, становится — наряду с тракторами — наиболее распространенным капиталовложением; их численный рост (подобно тому как и у тракторов) исключительно бурный. Определенный застой (но все еще умеренный подъем) наблюдается в Австралии подобно тому как и в США, где стагнация проявляется как тенденция к понижению абсолютного числа, достигшего своего максимума в 1958 г. (1045 тысяч) и с тех пор снижающегося в среднем на 5000 в год. Речь идет опять о возобновлении сельскохозяйственной техники в смысле более современных и более мощных машин, что обусловлено концентрацией сельскохозяйственного предпринимательства, а, следовательно, и уменьшением числа фермеров. Наряду с зерновыми комбайнами все более широкое применение находят себе и комбинированные агрегаты для уборки картофеля, сахарной свеклы и других сельскохозяйственных культур, требующих большой затраты живого труда. В США уже 80 % свеклы и 90 % картофеля убираются при помощи машин; в английских хмелеводческих областях 65—90 % хмеля убирается при помощи машин. Коренного прогресса добились конструкторы изобретением машин для уборки всех видов фруктов. В настоящее время все усилия надо сосредоточить лишь на понижении количества поврежденных при уборке машинами плодов, которое до сих пор еще весьма велико. Однако в США добились удовлетворительных результатов путем приспособ-

собления плодовых деревьев к машинам. Так, например, яблони срезают так, чтобы их верхние части были плоскими и образовали общую горизонтальную плодоносящую зону, что, в свою очередь, способствовало тому, что американские фермеры убирают целые 40 % фруктов при помощи механических средств.²²

В связи с этим нельзя игнорировать коренных изменений в животноводстве. Этот факт лучше всего характеризуется степенью механизации одной из самых трудоемких операций — доения коров. Так, например, во Франции за десятилетие с 1953 г. по 1963 г. число доильных аппаратов выросло с 60,4 тысяч до 157,6 тысяч, т. е. больше, чем вдвое, в Бельгии — с 15 тысяч до 45 тысяч, т. е. втрое, а в ФРГ — с 5,6 тысяч до 400 тысяч, т. е. больше, чем в 70 раз;²³ таким образом, ФРГ в 2,5 раза обогнала Францию по общему числу доильных агрегатов.²⁴ Оснащенность доильных приборами наглядно показывает следующая таблица:

Число доильных аппаратов на 1000 дойных коров в 1963 г.²⁵

Дания	Голландия	Швеция	Великобритания	ФРГ	Франция	Бельгия	Италия	Австрия	Швейцария
93,4	36,7	132,3	24,8	72	13	39	41	35	13

В США, где доильные аппараты уже давно представляют неотъемлемую составную часть всех молочных ферм, фермеры все больше пользуются специальными доильными площадками, молокопроводами и молочными холодильными цистернами. Количество этих цистерн на американских фермах возросло с 13 тысяч в 1954 г. до 200 тысяч в 1964 г.²⁶

Широкое распространение получили автоматические поилки, механизированное приготовление и механизированный транспорт кормов, механизированный отвоз навоза и т. д. В Соединенных штатах Америки и в Великобритании стали в значительной степени пользоваться матрацами из резины и пластмасс (вместо подстилок из соломы), что позволяет механическое устранение испражнений электрическими щетками. Расходы по приобретению матрацев искупаются экономленной соломой; экономия труда по сравнению с традиционным методом отвоза навоза весьма значительна.

Всеобщий прогресс в области всесторонней механизации сельского хозяйства в развитых капиталистических странах является неотъемлемым сопутствующим явлением второй половины 20 века. В нашем кратком анализе речь идет не о демонстрации наиболее передовых ферм, а о тенденции, направленной на максимальную степень замены живого труда овеществленным трудом. Есть, конечно, сельскохозяйственные предприятия, которые пока для нас являются сказочной фантазией. Об одной такой „суперферме“ в штате Индиана пишет журнал Reader's Digest от июня 1959 г. . . . „Утром фермер В. Норст уходит из своей двенадцатикомнатной виллы к пульту управления. Пока на дворе мычит стадо 400 голов скота и хрюкает 500 свиней, фермер нажимает кнопки и рычажки пульта управления: из огромных зерновых элеваторов текут корма для скота. Одни бункеры содержат куку-

рузный крупный помол, другие силос, а третьи сечку из початков кукурузы. Из меньших бункеров выходит нужное количество витаминов, минералов и гормонов. Транспортеры мешают эти корма и разделяют их в отдельные желоба, достигающие около ста метров длины. За десять минут Нортс окончил свою работу, которая у пяти работников с корзинами и вилами заняла бы половину рабочего дня. Фермер возвращается домой, читает статью о проблемах фермерского хозяйства в газете Wall Street Journal, пьет кофе и, наконец, садится за орган, чтобы посвятить себя всецело своему самому любимому занятию — проигрыванию хоралов Баха.¹²⁷

Это, конечно, „хоралы будущего“, которые в общей оценке смогли бы нас сбить с пути в одинаковой мере, как если бы мы привели потрясающие факты о безвыходном положении бедствующего крестьянина в южной Италии. Тем не менее, если отбросить эту черно-белую экстраполяцию, то все-таки общую картину технизации сельского хозяйства в развитых капиталистических государствах можно обозначить как замечательную и заслуживающую внимания.

* * *

Само собой разумеется, что такое бурное развитие всех структурных частей производительных сил в сельском хозяйстве после Второй мировой войны вызвало коренной переворот в производительности труда. Рационализация затрат живого и овеществленного труда во взаимодействии с отдельными научными дисциплинами во многих случаях была доведена до самых крайних возможностей нашего века. Общий комплекс всех рационализирующих факторов — впервые за всю историю капитализма — позволил, что производительность труда в сельском хозяйстве росла быстрее, чем в несельскохозяйственных отраслях в целом, а также быстрее, чем в промышленности. Интересно, что Маркс такую тенденцию в развитии предсказал еще в половине прошлого века: „... При примитивном докапиталистическом способе производства сельское хозяйство было производительнее промышленности, поскольку сама природа здесь участвует в труде человека как машина и организм в то время, когда в промышленности силы природы еще почти полностью замещаются человеческой силой...“. Развивая глубже эту мысль, Маркс говорит: „В бурную эпоху капиталистического производства развитие производительности труда в промышленности по сравнению с сельским хозяйством весьма бытро, несмотря на то, что развитие промышленности также предполагает, что и в сельском хозяйстве произошли уже значительные изменения во взаимоотношении постоянного и переменного капитала, т. е. что оно предполагает, что масса людей была уже изгнана с земли. В течение следующего периода производительность труда возрастает и в промышленности и в сельском хозяйстве, хотя и неодинаковыми темпами. Однако на определенной степени развития промышленности эта диспропорция станет неизбежно уменьшаться, т. е. производительность труда в сельском хозяйстве должна увеличиваться относительно быстрее, чем в промышленности.“²⁸ Именно в настоящее время предсказания Маркса сбываются — не только с точки зрения относительного, но и абсолютного более быстрого роста производительности труда в сельском хозяйстве, чем в промышленности. Так, например, в ФРГ производительность труда в сельском

хозяйстве за 1950—1962 гг. повысилась на 34 % больше, чем в промышленности. В Голландии производительность труда в сельском хозяйстве с 1949 году по 1959 г. возросла на 72 %, а во всем народном хозяйстве — на 43 %. В Бельгии та же пропорция (1953—1962 гг.) развивалась в отношении 162 % : 290 % в пользу сельского хозяйства. В Англии производительность труда в сельском хозяйстве за 1948—1962 гг. возросла на 84 %, во Франции (1949—1960 гг.) — на 75 %, в США (1949—1960 гг.) — на 105 %, тогда как в промышленности — соответственно на 36 %, 37 % и 36 %.²⁹ Следовательно, темпы роста производительности труда в Англии и Франции были вдвое больше, а в США даже втрое больше, чем в промышленности. Годовой прирост производительности труда в сельском хозяйстве оказывается в разных странах весьма разным: в ФРГ он за 1956—1962 годы составляет в среднем 8,5 %, в США — 7,3 %, в Великобритании — 5,4 %, в Италии 4,8 %, во Франции — 4,3 %.³⁰ Аналогичные различия проявляются и в производительности труда в расчете на 1 работника сельского хозяйства, о чем свидетельствует следующая таблица:

Таблица 4
Объем производства
основных сельскохозяйственных продуктов
на 1 работника сельского
хозяйства за 1961—1962 гг.³¹

	мясо кг	молоко кг	яйца шт.	зерно т
Бельгия	1 290	11 600	9 500	4,9
Франция	730	6 200	—	5,2
Голландия	1 230	14 800	12 700	3,4
ФРГ	725	5 650	2 370	3,1
Италия	145	1 630	1 130	2,3
Великобритания	1 850	12 500	18 500	7,3
США	2 360	10 300	11 600	25,0

Среди развитых стран Европы наиболее высокую производительность труда на 1 работника имеет Англия, опередившая по этому показателю — за исключением производства молока — даже такую в сельскохозяйственном отношении развитую страну как Голландия; по производству яиц и молока Англия обогнала даже США. Приблизительно одинакового уровня добились Франция и ФРГ, тогда как Италия пока еще сильно отстает от самых передовых показателей: по сравнению с Голландией один работник сельского хозяйства здесь производит в 9 раз меньше мяса, а только одну десятую молока и яиц. Однако здесь необходимо учитывать специфическую производственную структуру итальянского сельскохозяйственного производства, направленного преимущественно на выращивание винограда, овощей и фруктов. Специфические производственные условия являются также причиной несравненно более высокой производительности труда в производстве зерна и мяса в США по сравнению со странами Европы. Самой замечательной и для нашего воображения даже почти фантастической является производительность труда,

достигаемая в животноводстве США. Так, например, у скота считаются с рациональным использованием 1 работника на 2500 голов животных в год; это значит, что на выкармливание одного животного (речь идет о крупном рогатом скоте) приходится один час живого труда. Эти данные нельзя, конечно, считать типичными; они касаются одной крупной фермы (супер-фермы) в штате Колорадо, производящей 22—25 тысяч голов скота в год, за которыми ухаживает 10 животноводов, включая и звеньевых. В средних единицах затрата труда представляет 3—5 часов в расчете на 1 животное в год.³² В таких случаях (речь идет уже о семейных фермах) вполне оправдано введение смежного, менее трудоемкого производства (кукуруза, соя), позволяющего более эффективно использование рабочей силы.

В послевоенные годы произошли весьма резкие изменения в производительности труда в производстве яиц и птицы, благодаря индустриализации этой отрасли животноводства. Наибольших успехов здесь добились опять в США, где производство бройлеров (убойной птицы) в 1962 г. достигло почти шестикратного количественного увеличения по сравнению с 1945—1949 гг. Затрата живого труда на 100 кг мяса бройлеров понизилась с 6,84 часов в 1951 г. до 2,16 часов в 1961 г., т. е. на 68 %. В некоторых областях, например, в штате Мейн, затрата живого труда на 100 кг бройлеров составляет даже лишь 1,68 ч.³³ Чрезвычайно рациональная индустриализация птицеводства в значительной мере применяется и в развитых странах Европы, в особенности в Англии, где целые 40 % птицы поступают на рынок со специализированных птицеводческих заводов, не занимающихся никаким другим сельскохозяйственным производством. О высокой производительности труда свидетельствуют данные одного английского завода по выкармливанию бройлеров, на котором за 40 тысячами шт. ухаживают три работника. При помощи автокормилок разделение кормовых смесей здесь продолжается всего лишь 10 минут.³⁴ В этом смысле можно было бы привести многочисленные конкретные случаи чрезвычайно высокой производительности труда на

Таблица 5

	Удельный вес сельскохозяйственного продукта (в %)		Удельный вес активного населения в 1963 г.
	1953 г.	1963 г.	
Великобритания	3,9	3,7	4,0
США	5,1	4,0	6,5 ¹
ФРГ	9,1	5,2	12,0
Голландия	11,3	8,9	11,0
Бельгия	7,6	7,0	6,0
Италия	26,5	15,5	26,0
Великобритания	3,9	3,7	4,0
Италия	26,5	15,5	26,0
Франция	—	—	20,0
Дания	—	13,0	17,0
Швеция	8,5 ²	4,9 ¹	13,0

¹ 1962 г.² 1950—52 гг.

некоторых американских и европейских крупных сельскохозяйственных заводах.³⁵ Однако мы стараемся показать общую картину послевоенного развития и общественного значения сельского хозяйства как важной отрасли народного хозяйства. А для этой цели важно обратить внимание на развитие удельного веса сельского хозяйства в валовом национальном продукте в связи с удельным весом сельского хозяйства в численности рабочей силы. Следующая таблица выражает данное соотношение в исследуемых нами капиталистических странах за 1963 г.

Эта таблица наглядно показывает, что, несмотря на более быстрый рост производительности труда в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью и народным хозяйством в целом, производительность труда в сельском хозяйстве — с точки зрения общественной производительности — все еще низка. Так, например, в Италии 26 % работников сельского хозяйства создают лишь 15 % валового национального продукта; в ФРГ удельный вес сельского хозяйства в валовом национальном продукте больше чем на половину меньше удельного веса рабочей силы; значительное различие в приведенных показателях имеется также и в Голландии и Дании. Наиболее высокая производительность (точнее общественная эффективность) труда наблюдается в Великобритании, где удельный вес сельского хозяйства в валовом национальном продукте почти совпадает с удельным весом работников сельского хозяйства в общей численности рабочей силы.

Бросается в глаза общая тенденция, приводящая к снижению удельного веса сельского хозяйства в валовом национальном продукте, несмотря на все увеличивающуюся урожайность в растениеводстве и все повышающуюся продуктивность сельскохозяйственных животных в животноводстве. Приведенная тенденция представляет собою весьма прогрессивное явление. Правда, она отчасти вызвана более быстрым ростом промышленности и остальных несельскохозяйственных отраслей, но основной причиной следует считать новое общественное разделение труда, при котором процесс постепенной индустриализации сельского хозяйства создает благоприятные условия для включения многих раньше сельскохозяйственных процессов в область промышленности, транспорта и общественных услуг.

* * *

Тенденции в развитии сельского хозяйства, отмеченные нами в настоящей статье, свидетельствуют о качественно новых явлениях, которые всесторонне изменяют способы сельскохозяйственного предпринимательства. Правда, и в послевоенные годы сельское хозяйство не было авангардным носителем революционных перемен, а скорее втягивалось в глубокие революционные перевороты. Резкие перемены, новости в технике и научные открытия внесли в жизнь непосредственных производителей неуверенность в будущем, вызвали недоумения, опасения, но также и надежды. Вторая половина нашего века ознаменована переменами в технике и обществе, на которые человек часто смотрит беспомощно. На беспомощность крестьянина перед новыми техническими и экономическо-общественными явлениями неоднократно обращали внимание классики марксизма-ленинизма. Общим знаменателем этой беспомощности, а зачастую и опасений была недостаточная

капитализация сельскохозяйственного производства, неуверенность в сбыте и вытекающее из этого нежелание крестьянского (сельского) сословия вкладывать капитал в какие бы то ни было предприятия. Все современные теории о „декапитализации“ сельского хозяйства экономически развитого Запада тем и абсурдны, что именно современная тотальная капитализация сумела внести в более или менее дремлющее сельское хозяйство ту предприимчивость, которая не только способна приспособиться к научно-технической революции, но и создает стимулы для нее — заказы.

Если Ленин на рубеже 19 и 20 веков написал, что „...несколько десятилетий капиталистического „перелома“ в этом отношении, (т. е. в отношении технических перемен в сельском хозяйстве), сделало больше, чем целые столетия предшествующей истории“, ³⁷ то сегодня можно констатировать, что два десятилетия развития сельского хозяйства после Второй мировой войны сделали больше, чем сумела сделать вся эпоха капитализма до Второй мировой войны.

Перевел Ян Панек

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Studijní informace (Zemědělská ekonomika) 11/1963.
- ² R. Goulli „Zemědělství Belgie a západoevropská integrace“, стр. 17. Исследовательские труды Экономического института Чехословацкой Академии наук.
- ³ Наиболее высокие капиталовложения в сельское хозяйство в США приходились на 1948—1953 гг., когда произошла массовая перестройка большинства крупных ферм на новой технической основе. Насыщение фермерского рынка сельскохозяйственной техникой привело затем к тому, что капитальные вложения несколько снизились. Новый размах фермерских капиталовложений появился только после 1953 г., когда покупка новых производственных фондов возросла на 10 % в год.
- ⁴ Materiály UTEIN — там же.
- ⁵ USA „Overcas News Bulletin“ 139/64 — ZIZ 11/65.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Весьма низкий рост стоимости построек вытекает отчасти из обесценения их в связи с массовой ликвидацией мелких ферм в то время. Обесценена была, однако, также и значительная часть техники этих ферм, так что суть дела остается неизменной.
- ⁸ Приложение к журналу „Zemědělská informace ze zahraničí“ 1/64.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ФРГ „Technik und Landwirtschaft“ 18/65 — ZIZ 2/66.
- ¹¹ Studijní informace ÚVTI — řada zem. ekonomika 12/1964.
- ¹² Zemědělské informace ze zahraničí 14/65.
- ¹³ Fritz Baade: „Ráj nebo zničení lidstva?“ SNPL 1965, стр. 46—47. Речь идет также о важном моменте экономии зерновых культур для пищевых целей. Фриц Бааде приводит в цитированной работе, что сто миллионов сельскохозяйственных животных до сих пор поедает такое количество зерновых культур и других сельскохозяйственных продуктов, что его хватило бы на прокормление нескольких сот миллионов человек. Если учесть еще и более тщательную и добротную обработку земли при помощи тракторов, и вытекающую из этого более высокую урожайность, то это значит прокормление одного миллиарда человек.
- ¹⁴ С точки зрения числа тракторных единиц перспективы рынка на сельскохозяйственные тракторы характеризуются американскими экономистами как „ухудшающиеся“. Здесь действует не только полное удовлетворение потребности в тракторах и переход к более мощным машинам, но и снижение числа ферм и сокращение количества культиваций благодаря использованию гербицидов и других химикатов, приводящих к так наз. методу „минимальной обработки“ земли.
- ¹⁵ Статистическое приложение к журналу „Zemědělská ekonomika“ 8/1966.
- ¹⁶ Статистическое приложение к журналу „Zemědělské informace ze zahraničí“ 9/65.

- 17 Materiály UTEIN, 1965.
- 18 В ФРГ, например, 50 % общего числа всех тракторов работает в хозяйствах площадью до 10 га; в Дании работает один трактор в 80 % хозяйств, начиная с площади 0,5 га.
- 19 Речь идет о количестве гектаров *сельскохозяйственной* земли, вследствие чего данные не соглашаются с нашей последней таблицей, которая содержит данные о *пахотной* земле.
- 20 „Better Farming Methods“, 1965 — ZIZ — 6/66, стр. 16.
- 21 Zemědělské informace ze zahraničí 9/65.
- 22 Farm Mechanisation 4/65 — ZIZ — 5/66, стр. 94.
- 23 Мировая экономика и международные отношения 7/65.
- 24 В этой области механизации Чехословакия и другие социалистические государства больше всего отстают. Сравним: В Чехословакии в этом же году (1963 г.) имелось 11 000 доильных аппаратов, в СССР — 27 000, причем в СССР в 7 раз больше коров, чем в ФРГ. Годовое производство доильных агрегатов (45 000 штук в год) в ФРГ больше, чем общее число этих агрегатов во всех странах социалистической мировой системы.
- 25 Статистическое приложение к журналу „Studijní informace“ (Všobecné otázky v zemědělství) 1/1965.
- 26 *Imrich Stanek*, „Agrární modely v současném světě“ NPL 1966, стр. 177.
- 27 Цитировано по *Fritz Baade*; „Ráj nebo zničení lidstva?“ NPL 1965, стр. 74.
- 28 *К. Маркс*, „Теория прибавочной стоимости“, том II, Москва 1957, стр. 103—104.
- 29 По материалам Экономического института Чехословацкой Академии наук; данные об Англии заимствованы из журнала „Hospodářské noviny“ 12/1966.
- 30 FAO, 1963, The State of Food and Agriculture, стр. 117, 119, ZIZ 10/1965.
- 31 *J. Zátopek*; „Materiálně technická základna, produktivita práce a úroveň zemědělství v EHS“, výzk. práce VÚNP.
- 32 Organisation et gestion de l'entreprise agricole 21/65 — ZIZ 7/65.
- 33 Materiály UTEIN — SIVO 594, 1965.
- 34 Scottish Farmer 3811/65 — ZIZ 1/66.
- 35 Многочисленные интересные примеры из этой области приводит *И. Станек* в своих последних книгах „Земědělství ve vyspělých kapitalistických státech“ и „Agrární modely v současném světě“.
- 36 Politická ekonomie 7/66, стр. 296—297.
- 37 Данные о Швеции и Дании заимствованы из материалов UTEIN 1965.
- 38 *V. I. Lenin*: „Vývoj kapitalismu v Rusku“; Spisy № 3, Svoboda 1952, стр. 307.

TENDENCE V POVÁLEČNĚM VÝVOJI ZEMĚDĚLSTVÍ VE VYSPĚLÝCH KAPITALISTICKÝCH ZEMÍCH

Názory na význam zemědělství pro národní hospodářství se po II. světové válce rapidně změnily. Mnohé ekonomické páky pro přečerpání finančních zdrojů ze zemědělství do ostatních odvětví národního hospodářství — především do průmyslu — byly zmírněny nebo odstraněny, nebo začaly působit v opačném směru. Vládnoucí kruhy ve vyspělých kapitalistických státech si uvědomily, že rozšířený reprodukční proces národního hospodářství nelze nadále uskutečňovat na úkor zemědělství, nýbrž na základě vzájemné koordinace růstu všech nejdůležitějších výrobních i nevýrobních odvětví. V podstatě tedy šlo o poznání, že zemědělství může aktivně přispívat k vytváření vnitřních podmínek pro akumulaci nikoli svou zaostalostí, ale svým rozvojem.

Vývojové tendence v zemědělsky vyspělých kapitalistických státech svědčí o kvalitativně nových jevech, jež všestranně mění dosavadní způsoby zemědělského podnikání. Pravda, zemědělství nebylo ani v poválečném období avantgardním nositelem revolučních přeměn, nýbrž bylo spíše vtaženo do víru hlubokých revolučních převratů, technických novot a vědeckých objevů, jež vnesly do života bezprostředních výrobců nejistotu a rozpaky, obavy, ale také naděje. Druhá polovina našeho století s sebou přináší technické a společenské přeměny, jež dosavadní civilizace nezaznamenala a před kterými je často bezradná. Na bezradnost rolníků před novými technickými a ekonomicko-společenskými jevy nesčetněkrát upozornili klasické marx-leninismu. Společným jmeno-va-letem této bezradnosti a často i bázně

byla nedostatečná kapitalizace zemědělské výroby, odbytová nejistota a z toho pramenící investiční liknavost rolnického (selského) stavu. Všechny dnešní teorie o „dekapitalizaci“ zemědělství ekonomicky vyspělého Západu jsou tím absurdnější, že právě soudobá totální kapitalizace dala dosud víceméně dřímajícímu zemědělství onu podnikatelskou dravost, jež je nejen schopna přizpůsobit se vědecko-technické revoluci, ale dává jí i impuls — zakázky.

Jestliže Lenin na přelomu 19. a 20. století napsal, že „...několik desetiletí kapitalistického ‚zlomu‘ vykonalo po této stránce (tj. po stránce technických přeměn v zemědělství — J. M.) více než celá staletí předcházejících dějin,“ můžeme dnes konstatovat, že dvě desetiletí poválečného vývoje zemědělství vykonaly víc, než stačila vykonat celá éra kapitalismu do II. světové války.

